

В журнале «Сион» за октябрь — декабрь 1966 г. появилась еще одна рецензия на армянском языке, написанная А. Курдяном. Рецензия содержит ценные замечание; ее автор убедительно показывает неправильность общепринятого мнения о датировке и месте написания Тюбингенского евангелия. С легкой руки И. Стржиговского, опубликовавшего в 1907 г. якобы копию с несохранившегося оригинала памятной записи этой рукописи, в течение 60 лет никто из исследователей армянской миниатюры не подвергал сомнению ее принадлежность скриптории Дразарка и дату 1113 г. А. Курдюн опознал в приведенном И. Стржиговским колофоне хишатакаран, относящийся к рукописи Матенадарана № 6763. Это открытие, несомненно, позволит внести коррективы в изучение истории армянской миниатюры.

Нельзя не заметить вместе с тем, что в целом тон рецензии вызывает более чем недоумение, нарушая какие-либо этические нормы научного общения. Полностью опорочивая книгу Л. Р. Азаряна, А. Курдюн не только считает, что автор не внес ничего нового в изучение киликийской миниатюры, но и не имел права заниматься ею, не изучив рукописей зарубежных собраний, особенно связанных с именем Тороса Рослина. А. Курдюн берет на себя смелость даже рекомендовать Л. Р. Азаряну заняться рукописями Васпуракана, хорошо представленными в Матенадаране.

Из проведенного нами выше объективного разбора книги Л. Р. Азаряна читатель может сам сделать выводы о ее достоинствах и недостатках и полностью оценить ту большую и интересную работу, которая была проведена автором. Именно на основании изучения рукописей Матенадарана Л. Р. Азаряном была выявлена группа мастеров миниатюры, которые необоснованно связывались с именем Тороса Рослина. Не видя надобности повторять оценку книги, заметим лишь, что достаточно известный исследователь, каким является А. Курдюн, скомпрометировал своим отзывом лишь самого себя. Случайно вырванные из контекста книги и недобросовестно интерпретированные фразы сочетаются в этом отзыве с прямыми оскорблениями в адрес Л. Р. Азаряна. Обобщения, сделанные автором книги, А. Курдюн считает неопределенными и бессмысленными, затуманенными сором таких слов, как «конкретный», «монолитный», «этап», «динамика», «фигуры», «многофигурные композиции», «анфас», «профиль» и т. д. (?).

Заключая, заметим, что отдельные критические замечания А. Курдюна, которые могли бы принести пользу автору книги (для чего и пишутся рецензии), пропадают из-за ошеломляющей недопустимости принятого им тона, совершенно не сочетающегося с серьезной научной критикой.

Т. А. Измайлова

ГРЕЧЕСКИЕ ПИСЦЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ. II

Число работ, посвященных изучению деятельности переписчиков греческих рукописей в XV—XVI вв., непрерывно увеличивается. Это обстоятельство побуждает нас продолжить обзор новых исследований в названной области, начатый рецензией на труды Хр. Патризеласа и П. Канара¹.

В качестве необходимого условия изучения позднегреческой рукописной книги в настоящее время выдвигается задача определения имени переписчика, даже если он сам не сообщил его в колофоне рукописи; возможность этого обуславливается получившей свое дальнейшее развитие в эпоху Возрождения индивидуальностью почерков, позволяющей с большой уверенностью распознавать руку того или иного скриптора. Однако отождествление писцов по почерку — дело необычайно трудное, требующее от исследователя большой практики и исключительной осторожности. Избежать ошибок при сопоставлении рукописей помогают приемы, выработанные кодикологией. Формат бумаги, количество листов, составляющих тетрадь, сигнатуры, объем текста, число строк на странице, филигранны, украшения, переплет, — учет особенностей всех этих компонентов книги, или, как говорят кодкологи, «археологическое» изучение манускрипта в подавляющем большинстве случаев создает надежную опору для последующих отождествлений, для проверки результатов, добытых анализом почерка.

Инициатором создания методики определения писца XV—XVI вв. по почерку является Поль Канар, хранитель греческих рукописей Ватиканской библиотеки. Указав на трудности, которые ожидают палеографа, исследующего почерки греческих переписчиков XV—XVI вв.², он дал великолепную иллюстрацию высказанных им ранее общих положений, выпустив в свет новую работу³.

¹ Б. Л. Ф о н к и ч. Греческие писцы эпохи Возрождения. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 266—271.

² P. S a n a r t. Scribes grecs de la Renaissance. — «Scriptorium», XVII, I, 1963, p. 56—82.

³ I d e m. Les manuscrits copiés par Emmanuel Provataris (1546—1570 environ). Essai d'étude codicologique. «Mélanges Eugène Tisserant», vol. VI (Studi e Testi, 236). Biblioteca Vaticana, 1964, p. 173—287.

Исследование посвящено деятельности критского грека, одного из самых плодотворных копиистов Ватиканской библиотеки в пору ее блестящего расцвета, Эммануила Проватариса⁴. Усилия автора сосредоточены на изучении «материального аспекта» работы знаменитого скриптора; выбор направления исследования представляется рациональным, ибо прежде, чем можно будет оценить вклад Проватариса в культуру Возрождения, нужно точно определить рукописи, вышедшие из-под его пера. Но именно эта задача необычайно сложна: работая в Риме на протяжении четверти столетия, Проватарис, вне всякого сомнения, должен был переписать большое количество рукописей (ведь он был каллиграфом-профессионалом); однако известны всего лишь два кодекса, содержащие в записи копииста его имя. Письмо этих рукописей не имеет каких-либо ярких оригинальных черт, которые позволяли бы с первого взгляда произвести отождествление по почерку. Поэтому необходимо изучать «технические» приемы писца, создающего книгу, выявить обычные для него способы «организации» кодекса.

Пройдем вслед за автором по тому сложному пути исследования, который привел его от двух рукописей к перечню 155 (!) автографов Эммануила Проватариса.

Всю работу, состоящую из восьми глав, можно разделить на две части: первая (гл. I — IV) посвящена изучению почерка, во второй (гл. V — VIII) анализируются приемы оформления рукописи и выясняется судьба написанных Проватарисом манускриптов.

Как уже упомянуто, Проватарис подписал лишь две свои рукописи: Vat. gr. 1184 и Vat. gr. 1949. Их, разумеется, недостаточно для бесспорных идентификаций, когда мы имеем дело с писцом, работавшим над копированием кодексов длительное время: приходится учитывать возможность значительной эволюции индивидуального почерка. На помощь пришли черновики писем ватиканского скриптора (Vat. gr. 2124). Из них П. Канар отобрал десять образцов, позволивших в сочетании с двумя подписанными рукописями выявить ряд черт, присущих письму всех копий Проватариса. Однако прежде, чем перечислить выявленные им характерные особенности почерка Проватариса, автор сформулировал те приемы изучения рукописей XV — XVI вв., которые позволяют установить совокупность «характеристик» данного писца, необходимых при отождествлении. Приемы эти таковы:

I. Особенности общего порядка.

1. Материал для письма: некоторые писцы, работавшие для богатых заказчиков, использовали пергамен; большинство же писали на бумаге, отдавая предпочтение определенному ее формату и определенному типу тетради; показательным может быть повторение одних и тех же групп филигранных.

2. «Организация» листа: количество строк, размеры полей, расположение заглавий и рубрик.

3. Орнаментация: заглавия, инициалы, соединительные линии, использованные цвета.

4. Чернила, употребляемые для написания текста: некоторые копиисты предпочитали чернила очень темного цвета.

5. Письмо: высота и ширина букв и их соотношения; расстояния между буквами и строками; «вес» письма⁵; заостренность или округлость букв; наклон вправо или влево; письмо «легкое», непринужденное или непривычное (критерий, к сожалению, очень субъективный)⁶.

II. Особенности, свойственные отдельным буквам или группам букв.

1. Использование букв «унциального» или «минускульного» типа: определение процентных отношений этих типов для α , γ , δ , ϵ , η , χ , λ , ν , π , выявление различных форм β (β или β) и σ (σ , ς , Σ).

2. Специальные формы отдельных букв: у того или иного писца они могут быть разными; наиболее характерны буквы: ζ , θ , ξ , ϕ .

3. Частота и форма лигатур: почти все писцы эпохи Возрождения умели варьировать лигатуры; поэтому следует сочетать исследование формы с частотой ее употребления; нужно учитывать также отсутствие лигатур.

4. Частота и форма сокращений; следует иметь в виду характер рукописи (некоторые

⁴ Его биографию см.: P. S a n a r t. Un Crétois scribeur de la Bibliothèque Vaticane: Emmanuel Provataris. — Πεπραγμένα τοῦ Ἀ' Διεθνoῦς Κρητολογικοῦ Συνεδρίου, τoμ. 2. [=«Κρητικά Χρονικά», 15—16 (1961—1962), τεῦχος 2], σελ. 84—96.

⁵ Об этом термине см.: А. Д. Л ю б л и н с к а я. Новая теория развития позднеримского письма. — СВ, XI, 1958, стр. 147.

⁶ Впечатление «легкого» (привычного) написания букв или, напротив, «тяжелого», неумелого владения пером, возникающее у каждого специалиста, достаточно длительное время изучавшего почерки, хотя и является (как это верно заметил П. Канар) субъективным критерием, однако часто помогает при работе с рукописями. Оно указывает не только на степень квалификации переписчика, но иногда даже на его «национальность»; так, например, в большинстве случаев бывает легко узнать руку европейца — не-грека, пишущего по-гречески; не больше труда требуется для того, чтобы распознать руку русских справщиков Московского Печатного двора, оставивших немало греческих помет в рукописях Синодальной библиотеки (ГИМ).

специальные тексты — грамматические, математические и т. п. — требуют сокращений); имеет также значение проблема экономии писчего материала⁷.

Изучив в соответствии с этими приемами рукописи, бесспорно вышедшие из-под пера Проватариса, П. Канар получил большую группу сведений, характеризующих методы работы ватиканского скриптора, которые дают возможность почти безошибочно отождествлять по почерку написанные им манускрипты. Тщательные разыскания в архиве Ватиканской библиотеки и анализ переписки кардиналов-библиотекарей Марчелло Червини и Гульельмо Сирлето, под руководством и по заказу которых работал Эммануил Проватарис, подтвердили значительное число идентификаций и — что особенно существенно — позволили с большей или меньшей точностью определить даты написания 16-ти рукописей, довольно равномерно распределившихся между 1546 и 1567 гг. Результат этот необычайно важен для наблюдений над эволюцией письма нашего копииста.

Для анализа эволюции письма Проватариса были выделены 10 букв или сочетаний, особенно подвергавшихся в процессе многолетней работы переписчика изменениям. Это — соотношения между α унциального типа и α ; ξ «левым» и ξ «правым»: ζ «правым» и «левым»; β и b ; конечными c и c ; Δ и δ , а также процент встречающихся в датированных кодексах ι subscriptum, ι и υ с точкой и σ в конце слов в сочетании с облеченным ударением. Расчет процентных отношений производился следующим образом: для часто встречающихся букв или сочетаний изучалось по крайней мере 100 случаев их употребления (от 1 до 10 листов рукописи), для более редких образцов (ξ , ζ) было достаточно 50 случаев. Вычисления, проведенные П. Канаром, показали, что изменения в написании отдельных букв поддаются строгой хронологической классификации и — подкрепленные анализом филиграней — выступают в качестве termini ante quos и post quos, позволяя тем самым не только отождествлять по почерку рукописи Проватариса, но и достаточно точно датировать их. Кроме того, цифры, характеризующие эволюцию письма ватиканского каллиграфа, сделали возможным отказаться от некоторых сомнительных атрибуций и выявить принадлежащие его ученикам и помощникам почерки, имитирующие письмо Проватариса.

Результатом этого исследования и явился перечень 155 автографов Эммануила Проватариса, представляющих собой великолепный источник для изучения деятельности критского переписчика, для характеристики научных и литературных интересов гуманистической Италии этого времени, для истории Ватиканской библиотеки. Кодикологический анализ этой большой группы рукописей (его выводы изложены в специальных главах: гл. V «Тетради и „организация“ листа»; гл. VI «Филиграния»; гл. VII «Орнаментация»), точная картина графического творчества Проватариса и 18 фотографий, запечатлевших все стадии эволюции почерка знаменитого скриптора и представивших образцы письма его сотрудников, составляют прочный фундамент для последующих идентификаций.

На первых порах поражает количество рукописей, обязанных Проватарису своим появлением на свет: даже лучший каллиграф XV столетия Иоанн Росос, чье искусство более 50 лет служило интересам итальянских любителей греческой литературы, успел переписать за свою долгую жизнь немногим более 100 манускриптов. Ближайшее знакомство с продукцией Проватариса показывает, что подавляющее большинство рукописей, над созданием которых он трудился, было переписано им частично, в сообществе с другими копиистами. Среди сотрудников критского писца — Иоанн Мавроматис, Мануил Малаксос, Константин Ресинос, Матфей Деварис и другие известные каллиграфы XVI в. Их автографы также были выявлены и изучены П. Канаром. Результаты этого исследования нашли свое частичное отражение в упоминавшейся уже работе «Scribes grecs de la Renaissance», а также в вышедшей почти одновременно с рецензируемым здесь трудом статье, посвященной переводческой и копиистской деятельности Константина Ресиноса⁸. Однако это — лишь первые шаги к тому задуманному автором обобщающему исследованию, которое воссоздаст картину творчества переписчиков греческих рукописей в Риме в XVI столетии.

Таковы, вкратце, итоги и перспективы ставшей предметом нашего обзора работы Поля Канара.

В заключение мы приводим дополнения к списку сотрудничавших с Проватарисом копиистов по рукописям Москвы и Ленинграда.

1. Ленинград, ГИБ, греч. 591; написанный, как это верно отметил П. Канар⁹, рукой К. Ресиноса перевод на новогреческий язык «слова» Иоанна Златоуста $\text{περὶ τῆς στενῆς πόλεως καὶ τεφλιμμένης οδοῦ}$.
2. Москва, ГИМ, греч. 338; Акты флорентийского собора; лл. 3—10 об., 33—34, 73 об., 149 об., 182—186, 242—242 об., 247—247 об., 248 об., 249 об., 250 об., 251 об., 252 об., 253 об., 254 об., 255 об., 256 об., 257—259 — автограф Мануила Малаксоса (отождествлено по почерку).

Б. Л. Фонкич

⁷ P. Canart. Les manuscrits..., p. 177—178.

⁸ P. Canart. Constantin Rhésinos, théologien populaire et copiste de manuscrits. («Studi di bibliografia e di storia in onore di Tammaro de Marinis»). Verona, 1964, p. 241—271.

⁹ Ibid., p. 248.